

Альмодовар дает актеру полную свободу

Когда в сценарии есть необычная роль, режиссеры сразу вспоминают о Хавьере БАРДЕМЕ. Он может быть предельно выразительным даже если его герой абсолютно неподвижен (как в фильме "Море внутри"). Он сыграл в фильме Педро Альмодовара "Живая плоть" и в картине Джулиана Шнабелья "Пока не опустится ночь", которая принесла Бардему номинацию "Оскара". На экране он часто молчит. А в жизни Бардем — жизнерадостный и очень разговорчивый человек, который часто веселит съемочную группу своими шутками.

— В героях, которых вы сыграли в своих последних фильмах "Море внутри" и "Пока не наступит ночь", есть нечто общее. Они оба — писатели и оба очень великодушные люди.

— Это очень странно, что они оба — писатели, ведь я не считаю себя интеллектуалом. Я не скромничаю, это правда. Когда мне приходится играть таких людей, как Рейнальдо Аренас ("Пока не наступит ночь") или Рамон Сампедро, интеллектуально развитых и очень тонко чувствующих, я начинаю нервничать. В обоих случаях я гораздо моложе героя, чью роль я сыграл. Перед началом съемок я все время думал: "Как же я буду играть? Я не пережил ничего подобного!"

— Что помогло вам сыграть их?

— Я вспоминал то, что со мной случилось. Конечно, я не испытывал ощущения, что попал в ловушку из-за собственного тела, как Сампедро после аварии, но в моей жизни бывали случаи, когда мне казалось, что я попал в ловушку. Когда я понял, о чем он говорит, я сразу вспомнил о том, что происходило со мной.

— Вы не боялись играть таких бесстрашных людей?

— Вы думаете, что их чрезмерное бесстрашие могло как-то на меня повлиять? По-моему, именно благодаря этому их роли предложили сыграть мне. Я сказал себе: "Кроме удовольствия, которое ты получаешь, воплощая на экране таких необыкновенных людей, на тебе лежит ответственность за то, чтобы в фильме они выглядели не хуже, чем в сценарии".

— Аренас и Сампедро были очень уверенными в себе людьми. Как вам удалось передать их уверенность?

— Я читал их книги, смотрел видеозаписи их выступлений, и у меня возникло такое чувство, как будто герои разговаривают со мной и подсказывают мне, как нужно себя вести. Работая на площадке, я полностью забывал о себе — о своих страхах, сомнениях, надеждах... Думал только о том, как поступили бы мои герои в определенной ситуации. Когда я получил роль Сампедро, продюсер прислал мне видеозаписи его выступлений на телевидении, и я подумал: "Это невозможно! Разве я сыграю такую роль?" Я увидел 55-летнего, полностью парализованного человека, его голос был совершенно не похож

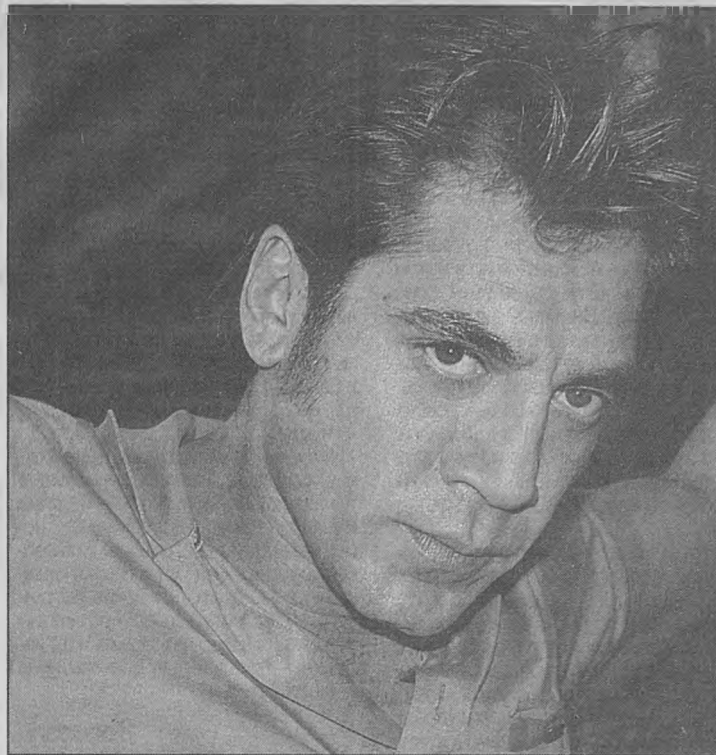

Фото из журнала "Интервью"

Х. Бардем

на мой, и он говорил со странным акцентом. Чем больше я смотрел, тем больше мне казалось, что герой бесконечно далек от меня и я никогда не смогу сыграть эту роль. Когда я сказал об этом продюсеру, он решил, что нужно найти гримера, который сделает меня похожим на Сампедро. И он его нашел — удивительную женщину, которую зовут Джо Аллен. Когда я увидел, что могу быть внешне похож на Сампедро, я стал думать: это рискованное дело, но я смогу с ним справиться. Успокоился и понял, что впечатления от телепередач сами собой отложились у меня в голове и помогают играть. Кстати, когда в Испании появилась информация о том, что я сыграю Сампедро (испанцы очень хорошо его знают), эту информацию восприняли как шутку. Говорили: это какая-то ошибка. Разве продюсер не мог выбрать 60-летнего актера? Зачем ему Бардем, которому только 34 года?

— Эти сомнения помогли вам?

— Когда кто-то или что-то против тебя, а ты хочешь чего-нибудь достигнуть, ты не можешь просто с удовольствием работать. Но в то же время это придает смелости, помогает сконцентрироваться на том, что ты делаешь.

— Вас обрадовало то, что "Море внутри" вызвало такие бурные дискуссии?

— Да, этот фильм заставил людей высказать свое мнение. В Испании начались дебаты об эвтаназии, и правительство собирается в конце года издать закон, разрешающий людям эту возможность.

— Католическая церковь тоже не осталась в стороне?

— И мне это больше всего понравилось! Фанатизм, с которым они выступили против этого фильма, доставил мне удовольствие. Я был рад, что меня критикуют. Не хотел бы, чтобы они меня поддерживали.

— Неужели вас не удивила реакция церкви? Ведь это фильм о духовной жизни и о том, как примириться со своей участью и местом

в жизни. Католическая церковь всегда это поддерживала.

— Мне всегда казалось, что католическая церковь поддерживает самые жестокие режимы и обретает силу, мощь и богатство благодаря человеческим страхам. Ее послание довольно ясно: "Не жалея о своих страданиях здесь, потому что ты получишь воздаяние после жизни. Поэтому будь мне предан и отдай мне деньги". На мой взгляд, человек может делать все, что угодно, со своей жизнью и со своей смертью, если это не причиняет боли кому-то еще.

— Как вам работало с Альмодоваром?

— Он — обаятельный человек, и у него все время возникают потрясающие идеи. Альмодовар действительно увлекает людей, работающих вместе с ним. У Педро в голове особая вселенная, поэтому у него такие необычные фильмы. Работая с ним, актеры должны быть готовы войти в этот мир. Иногда это нелегко: у каждого человека воображение устроено по-своему. Ты просто позволяешь себя вести, но это требует полной физической, психологической и эмоциональной отдачи. Иногда это невозможно сделать, бывает, что делать этого совсем не хочется, а порой его мир просто пугает.

— Как вы вошли в его мир?

— Сначала он дает актеру полную свободу: можно попробовать все, что ты хочешь, но в конце концов понимаешь, что гораздо проще и интереснее сделать то, что он тебе предлагает. И тут осознаешь, что именно поэтому он выбрал тебя для рассказа своей истории.

— Вы понимали, что Альмодовар будет столь требовательным, когда разговаривали с ним в первый раз?

— Я знал об этом, поскольку слышал о его требовательности от разных людей. Но при этом Педро всегда очень деликатен: иначе актеры никогда не сыграют в его фильмах, где драма переплетается с комедией, но что бы ни происходило на экране,

зритель в конце уходит с каким-то светлым чувством. Думаю, что ему легче работать с тонкими, чувствительными актерами. Но я совсем не такой, поэтому ему со мной было очень трудно.

— Расскажите, как вы стали актером?

— Моя сестра — актриса, и как-то я пошел вместе с ней на кастинг фильма Дж. Дж. Вигала Суны "Возраст Лулу". Ассистент по кастингу сказал: мне нравится твой разбитый нос — я буду тебя снимать. В тот момент я не собирался быть актером, но мне дали роль. Мы с Суной подружились, и когда работа была закончена, он обещал, что напишет сценарий специально для меня. И через год он принес мне сценарий "Позолоченных шаров" и сказал: "Вот фильм, который я тебе обещал". У меня была главная роль, и я всерьез решил заняться актерской профессией. Я готовился к этой роли девять месяцев.

— Ваши родители тоже актеры?

— Да. Одно из моих самых ранних воспоминаний — как мама готовится к выходу на сцену. Помню, когда мне было пять или шесть лет, она болела: на открытой репетиции ее рвало в кулисах, а потом она брала себя в руки и выходила на сцену Изабеллой, королевой Испании. Сейчас я хорошо ее понимаю, а тогда думал: "Что за шизофреническая работа?"

— Вы выросли в Испании после режима Франко, когда актеры наконец получили возможность выразить то, что они думали и чувствовали.

— И наконец вышли из изоляции. В Испании очень редко показывали западные фильмы. Несколько поколений актеров не знали, что делается в театрах других стран. Все стало меняться в конце 70-х, когда в Испанию приехали русские театры и мы научились играть по-новому.

— Американские фильмы как-нибудь на вас повлияли?

— Да, они казались окном в другой мир. Я видел Аль Пачино в "Собачем погоне" и Роберта Де Ниро в "Бешеном быке" — эти парни создавали на экране реальных людей. Они играли персонажей, заслоняя ими свою собственную индивидуальность. Не так, как испанские актеры, которые всегда играют себя и рассказывают в кино о себе, любимом.

— Вы становитесь все более знаменитыми. Наверное, вас теперь узнают на улицах?

— Да. Но я по-прежнему хожу по городу и езжу на метро.

— Вы ездите на метро?

— Может быть, меньше, чем мне хотелось бы (бывают часы, когда лучше вообще его избегать). Но наступают время, когда люди настолько устают, что не обращают на тебя внимания. Конечно, мне тяжелее всего терять свободу, потому что актер должен наблюдать, как ведут себя люди и слушать их разговоры. Это помогает ему лучше играть. Но ты не можешь этого сделать, если они на тебя смотрят. Потеря свободы может очень повредить моей работе. Но иногда поздно ночью я езжу на метро.

— Когда все нормальные люди уже вернулись домой с работы?

— Да. Когда они уже спят.

По материалам журнала "Интервью" подготовила Ольга РОМАНЦОВА